

Андрей Горных
СНЫ ОБ АРМИИ
(выставка Сергея Селецкого)

Сны об армии — это больше чем сама армия. Как случайное воспоминание делает травмой

то, что некогда было достаточно нейтральным опытом. Как человек — в отличие от животного — знает, что он умрет. Так прошедший службу в армии навязчиво путает прошлое с будущим.

В самой армии нет ничего страшного в человеческом, экзистенциальном смысле слова — там сплошная физиология и коммуналность, исключая тонкие и глубокие переживания. Самое страшное в снах об армии не то, что некогда в ней случилось и внезапно, как черт из табакерки, выскочило в спящем сознании. Самое страшное в снах об армии это то, что армия еще предстоит. Общей канвой снов об армии является мотив «вторичного призыва» на службу. Можно сколько угодно раз приводить какие угодно аргументы, что: «ха-ха... это же нелепая ошибка, товарищи, вот мой военный билет с отметками, старая форма со «знаками отличия», показывающие что прохождение службы с честью и достоинством это свершившийся факт; или — вот письмо с работы, заверенное начальством, скрепленное печатями и с подписями всех членов рабочего коллектива о том, что меня никак нельзя изъять прямо «сейчас» (как двусмыслен этот модус времени в армии и в снах о ней! — см., например «Ужин») из гуши трудового процесса, не говоря уже о семейно-родственных отношениях». Нет, никто не слышит, и ты в п-ый раз обнаруживаешь себя посреди до боли знакомой N-ской части. Так, наверное, чувствовали себя в сновидном пространстве сталинской культуры люди, которые оказывались в ночном «воронке».

И возникает дискомфортное и пугающее чувство — тебя никто никак не тащит, и оказываешься в «армии» сам собой и... сам с собой. Ситуация тотальной а-коммуникативности, того, что тебя не слышат, оказывается следствием того, что слышать тебя в принципе некому. Ты — один посреди поля-казармы, в которой за тысячу дней и ночей, досконально изучил каждый миллиметр поверхности так, что, куда бы ни упал взгляд, становится до ломоты в суставах тоскливо. Приходит трагическое знание о степени невыносимости вечности. И сновидный «я» это, конечно, не Я, а виртуальный герой компьютерной игры-стрелялки от первого лица. Вернее — его глаз после «первой» смерти, когда еще есть лимит «жизней». Глаз, раз и навсегда застывший на данной точке зрения, который видит — иногда сквозь соб-

ственные разорванные внутренности — как вокруг тоже все погружается в стазис без «первого лица». В безличности «я» остаюсь один на один с предельно странным и тревожным ощущением: «Это повторяется»; «Это вечно возвращается на то же самое место». И понимаешь, что «это» — и есть Я. На месте «Я» возникает «Оно». «Оно», данное в чувстве чистой (интели)гибельности повтора, «вечного возвращения» как фундаментально-антропологического опыта. «Армия» — это разновидность опыта погружения в неразличимое. «Армия» — наряду с различными «эдиповыми» детско-юношескими опытами — способна дать знание о Реальном как таковом, превосходящем любую частную реальность «работы», «семьи», «отдыха». Такая «армия» может воздействовать на задание настолько же онтологической, насколько подвижной точки отсчета для человеческого существа. Точки, к которой раз за разом возвращаешься, в самом этом возвращении воспроизводит некий — вполне формальный — травматизм человеческой судьбы. Здесь начал быть Я, но до этого здесь было Оно. И я возвращаюсь именно туда — если уж идти, то к Началу! — где меня нет и быть не может. Сон для отслужившего в армии есть нечто вроде платоновского припоминания изначальных Идей. Только основной Идеей человеческого существования оказывается сама форма ее припоминания. Повторение возвращает нас к тому месту, где ничего не происходит. Туда, где время становится местом вещи.

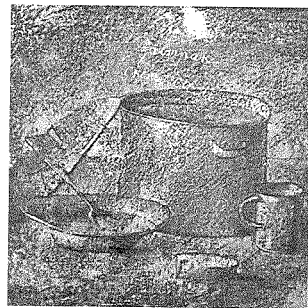
...

За покровом зловещей метафизики, окутывающей сны об армии, зачастую — как в данном случае — скрываются картинки из армейской жизни, которые по отношению к тревожному характеру этой метафизики можно назвать «веселыми». Отнюдь не являясь чем-то вроде «карикуры на армейскую действительность», они выступают скорее как визуализация своеобразного инстинкта допризывной регрессии — стремления вернуться в доармейское состояние, в «детство», где солдаты напоминают плюшевых мишек, а орудия уничтожения по игрушечному несуразны. Стремления взглянуть на смерть как феноменом взросления, на войну как технологию производства смерти, приуманную взрослыми, с детской позиции «по сю сторону принципа удовольствия». Изменение позиции видения может привести к изменениям в самом видимом предмете. Можно пофантазировать, например, о том, чтобы армия превратилась в вид экстремального спорта в специальных местах, удаленных от гражданского населения, для жилистых и авантюрных мужчин, определенный процент которых всегда существовал в обществе.

В своей содержательной части экспозиция не претендует на универсалистское осмысление темы Человека-с-Ружьем. В ней отражена точка зрения позднесоветского срочного служащего «институтского» призыва — последней исторической формы хождения интеллигенции в народ и растворения в нем — на отечественную армию времен (пере)зрелого социализма.

«Завтрак»

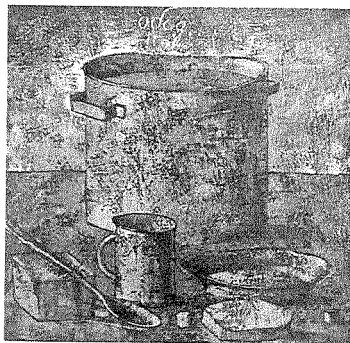
Пища и сосуды ее содержащие в армии являются больше, чем предметностью для натюрморта. Это одни из самых значимых точек вечного возвращения, тактического обретения полноты и стабильности.

«Обед»

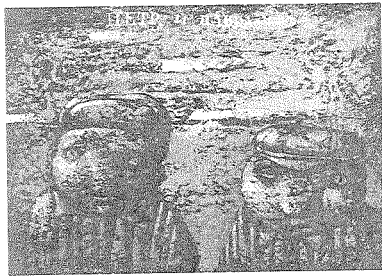
В реальности предметы, связанные с питанием, промелькивают быстро, в торопливом темпе платования кусков. Между тем, в сновидной

памяти они онтологически солидны. Они неизменны в вечно меняющемся. На них тысячи отметин, зарубок и царапин от мух, ногтей, зубов, ножей. Тысячи следов тысяч употреблений теми, кто уже далеко за рамками картины и памяти. Это опредмеченный опыт времени, с голубыми просветами — «приемами пищи» как отдушниками в плотной фактуре армейского существования.

«Ужин»

Заново не столько чайник и кружка, измождено и растрескалось само пространство под мерным напором времени. Но эти предметы *стоят* на своем — не то чтобы месте, — но основании. Или, скорее, проявляют такое упорство в стоянии на своем, возвращении к самим себе, которое не нуждается ни в основании, ни, тем более, месте. Упорство, делающее их безразличными к любому внешнему наблюдателю. В этой неуместности и безразличности время и истина бытия смешиваются в качестве Настоящего, стирающего все возможные моменты «сейчас» вместе с определяющимися по отношению к ним модусами прошлого и будущего. Разрушение привычной временной структуры позволяет говорить о времени «армии» (или о времени вещи) как о своеобразном месте на «другой сцене», к которому неумолимо возвращается память.

«Петр и Павел»

Переходя из гражданского состояния в состояние предположительной войны, люди, даже в значительной мере лишённые индивидуалистических импульсов (скажем, колхозники), еще более поглощаются коллективной формой. Кажется, как фигуры

они инкрустируются и врастают в коллективный фон, оказываясь частью общей тектоники ландшафта. На поверхности остаются «знаки отличия», метки субъекта, существующие на первом плане — вне всего земного и телесного.

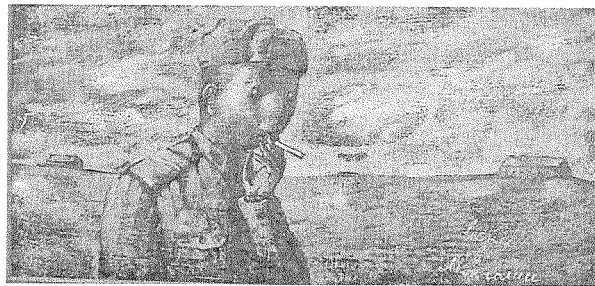

«Первый год службы»

Странная смесь настороженности и импозантности в облике молодого бойца является эффектом смещения идентичности и строевой подготовки. В армии обнажается специфический отечественный дискомфорт от обладания собственной внешностью под фотографическим взглядом.

«Быстрая любовь»

В отличие от рабочего или служащего для солдата срочной службы увольнение это фольклорно-харизматический праздник. Соответствующий жанр — реалистический лубок. «У солдата выходной, пуговицы в ряд, ярче солнечного дня золотом горят» — это нереалистично: у солдата срочной службы ничего не горит, ни пуговицы, ни глаза, ни дело в руках. В данном армейском опыте нет «выдающихся», ярких точек, нет натиска, свершения. Есть меланхолическая повседневность в асфальтово-глиноземной гамме. Дление, ощущаемое не столько изнутри самой армии, сколько извне — в «снах об армии».

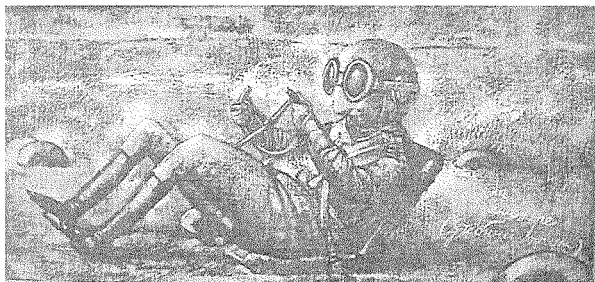
«Весна в Монголии»

Протяженность, в которой одиноко помещается солдат, не есть физическое пространство, в армейской реальности плотно заселенное сослуживцами, постройками, техникой и прочей предметностью. Это пространство армейской длительности, которое небо и земля делают равными частями, тем же способом, каким левое в точности равняется правому, а день дню. «Наполнение» этого пространства — травматическое ядро фантазма «снов об армии». «Наполнением» являются ничтожные события: вглядывание в даль, ощущение согревания, стояние, курение и т. д., спекающиеся в некую анти-событийную пустотность — ту микрофактуру существования, которая оседает в бороздах и рытвинах красочного слоя холста.

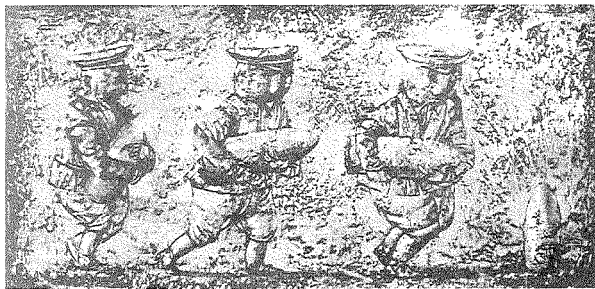
«Осень в Молдавии»

Независимо от географического положения и сезона фактура армейского существования остается той же. И после того как «даст прикурить» командир, то же самое, но совсем по-другому, делает друг. Стремление сделать повторение движущей силой времени как реакция на содержащийся в нем травматизм есть природа армейских (шире — служебных) перекуров.

«На тренажере»

События в армии носят в той или иной мере симулятивный характер. Когда будущие командиры танков ходят по танкодрому по трое, имитируя управление грозной техникой, условность искусства меркнет перед условностью жизни.

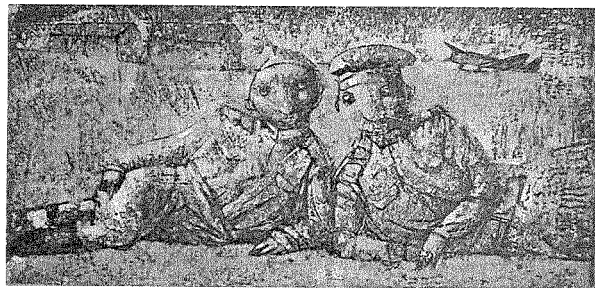
«Эхо войны»

В отличие от машинного конвейерного труда фабрики или завода в армии принцип серийности совмещается с принципом штучности. В людских цепях циркулируют особые объекты, по отношению к которым одинаково затруднительны как присвоение, так и отчуждение.

«А город подумал, ученья идут...»

Отсутствие аффекта на лицах, нейтральная самососредоточенность выпуклых очков свидетельствуют об отсутствии события, каковым не становится даже крушение самолета.

«Друзья встретились вновь»

Иконографические топосы Красной армии предстают уже не в неизблемо-реалистическом виде, несущими в себе нравоучительную историю. И не в критическо-саркастическом модусе недавних «лет цинизма». Толща времени превратила их в картинки из культурного «детства», наивные и беззлобные.

«Третий пошел»

Событие военных действий невидимо и неосвязаемо в промежутке между подвешенностью напряженного ожидания и статуарной вечностью свершившегося геройства.

«Жесткое приземление»

Гимнастерки, шинели и комбинезоны имеют текстуру ватника, текстуру земли. «Армия» это особый способ сопряжения субъекта с почвой. То заглубляя в окоп, то удерживая на марионеточных стропах вблизи, то распластывая на поверхности, она демонстрирует степень его неавтономности и автохтонности.

